

УДК 342.1;321.01

doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-7

**Формирование предварительных предпосылок
для вхождения Украины в состав советского
федеративного государства 1917–1920 гг.
(историко-государствоведческий очерк)**

О. А. Беркетова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

o.berketowa@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Своевременность исследования обусловлена остротой украинской тематики, отягощаемой множеством прозападных антироссийских мифов, и важностью федеративной проблематики. Целью публикации является демонстрация обстоятельств, сопутствовавших участию Украины в образовании советского федеративного государства. *Материалы и методы.* Используются статистические материалы и последние публикации по истории украинских земель и Гражданской войне. Проведен геополитический и исторический, идеологический, политический и этнический анализ ситуации, сформулировано понятие «буферное пространство» и «буферное государство». *Результаты.* Автором обращено внимание на сложную этническую ситуацию на украинских землях во времена поздней Российской империи, которая отнюдь не сводилась к дихотомии малороссов – великороссов, а отягощалась наличием также и других этносов, проживавших преимущественно инклавно. Особо устойчивую российскую идентичность имела Новороссия. В то же время население сельской местности и тем более городов не идентифицировало себя с украинством. Националистическое брожение стимулировали Февральская и Октябрьская революции. Они вынесли на авансцену общественной жизни украинских националистов левого толка (В. Винниченко) и авторитарных авантюристов (С. Петлюра), крестьянских атаманов (Н. И. Махно). Большевики в условиях временной германской оккупации и гетманства П. Скоропадского, наступления белогвардейцев и пассивности иностранных интервентов, военной неподготовленности белополяков оказались наиболее приспособлены к получению общественной поддержки на фрагментарно организованной территории. *Выводы.* Темпы и особенности включенности в строительство евразийской советской империи были обусловлены всей суммой объективных и субъективных обстоятельств. При этом большевистское руководство, в котором был силен догматизм интернационализма, явно переоценило значение национальной повестки и взяло курс на поспешную украинизацию. Сталинский план автономизации был во многом отвергнут и заменен на ленинскую федерализацию из-за националистических предубеждений партийного руководства Украины.

Ключевые слова: история вхождения Украины в состав СССР, рождение украинского национал-сепаратизма, Гражданская война на Украине, национальный вопрос и Российская коммунистическая партия (большевиков), националисты в Коммунистической партии Украины (большевики)

Для цитирования: Беркетова О. А. Формирование предварительных предпосылок для вхождения Украины в состав советского федеративного государства 1917–1920 гг. (историко-государствоведческий очерк) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4. С. 94–107. doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-7

**Formation of preliminary prerequisites for Ukraine's entry
into the Soviet federal state in 1917–1920
(historical and state studies essay)**

O.A. Berketova

Penza State University, Penza, Russia

o.berketowa@yandex.ru

Abstract. *Background.* The timeliness of writing the article is due to the urgency of the Ukrainian topic, aggravated by many pro-Western anti-Russian myths, and the importance of federal issues. The purpose of the publication is to demonstrate the circumstances surrounding Ukraine's participation in the formation of the Soviet federal state. *Materials and methods.* Statistical materials and the latest publications on the history of Ukrainian lands and the Civil War were used. A geopolitical and historical, ideological, political and ethnic analysis of the situation was carried out, the concept of “buffer space” and “buffer state” was formulated. *Results.* The author draws attention to the complex ethnic situation on the Ukrainian lands during the late Russian Empire, which was by no means reduced to the dichotomy of Little Russians – Great Russians, but was aggravated by the presence of other ethnic groups living mainly in an enclave. Novorossiya had a particularly stable Russian identity. At the same time, the population of rural areas and especially cities did not identify themselves with Ukrainians. Nationalist ferment was stimulated by the February and October revolutions. They brought to the forefront of public life Ukrainian nationalists of the left (V. Vynnychenko) and authoritarian adventurers (S. Petlyura), peasant atamans (N.I. Makhno). The Bolsheviks, under the conditions of the temporary German occupation and the hetmanship of P. Skoropadsky, the offensive of the White Guards and the passivity of foreign interventionists, and the military unpreparedness of the White Poles, turned out to be the best suited to receive public support in a fragmentarily organized territory. *Conclusions.* The pace and features of involvement in the construction of the Eurasian Soviet empire were determined by the entire sum of objective and subjective circumstances. At the same time, the Bolshevik leadership, in which the dogmatism of internationalism is clearly strong, clearly overestimated the importance of the national agenda and set a course for hasty Ukrainization. Stalin's plan of autonomization was largely abandoned and replaced with Lenin's federalization due to the nationalist biases of the Ukrainian party leadership.

Keywords: history of Ukraine's entry into the USSR, the birth of Ukrainian national separatism, Civil war in Ukraine, the national question and the RCP(b), nationalists in the Communist Party of Ukraine (b)

For citation: Berketova O.A. Formation of preliminary prerequisites for Ukraine's entry into the Soviet federal state in 1917–1920 (historical and state studies essay). *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2023;(4):94–107. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-7

Территория Украины традиционно занимала «буферное положение» между Российским государством и Речью Посполитой, подвергаясь также внешнеполитическому и военному давлению со стороны Крымского ханства и Османской империи. После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. восторжествовала историческая справедливость и земли, волею случая ставшие объектом эксплуатации со стороны польского панства на правом берегу Днепра, отошли к России. Теперь внутри Российской губернии выделялись «Юго-Западный край, включавший в себя Польскую, Киевскую и Волынскую губернии... Земли на Левом берегу Днепра назывались Малороссией, а Причерноморье... – Новороссией» [1, с. 222].

Согласно всероссийской переписи 1897 г. малороссы, безусловно, доминировали, составляя от 70 до 93 % в Волынской, Киевской, Подольской, Харьковской, Полтавской губерниях. Великоросов в этих губерниях (за исключением Харьковской) было мало – не более 6 % (в Харьковской – 17,7 %). Состав Черниговской и Екатеринославской губерний был более сложным: здесь малороссов было менее 70 % и значителен был удельный вес великороссов (21,5 и 17,3 %) и других этнических групп. Не впечатляющее большинство имели малороссы в Херсонской (53,5 %) и Таврической губерниях (42,2 %). В Крыму малороссов было вообще только 11,9 %, а великороссов – 33,1 % [2].

Вообще этнический состав южных степных земель Российской империи был очень сложным. Его нельзя отнести к дихотомии малороссов-великоросов. Среди жителей «значились немцы и прочие германоязычные выходцы из Центральной и Западной Европы, греки, молдаване, сербы, болгары, евреи, гагаузы, армяне, а также ряд других этнических групп, расселявшихся компактно. Нередко такие анклавы (как в случае с немцами) занимали значительные площади. Эти территории осваивались сообща разными этносами – преимущественно при организационной, материальной и военной поддержке Российской империи. Хозяйственная судьба этих территорий была бы совершенно иной, если бы здесь все ограничивалось стихийным началом, как это было в США при освоении Запада. Следует признать, что «национально-культурную картину и среди прочего идентичность проживавшего там населения формировало не механическое соотношение численности тех или иных этнических групп по принципу “кого больше”, а факторы иного свойства. Российская государственность, русский язык и русская культура стали тем естественным фоном и состоянием, в котором жило население Новороссии – региона, в самом названии которого подчеркивалось его неразрывное единство со всей Россией» [3, с. 25]. Более того, на Левобережье, т.е. в Новороссии, в условиях промышленного подъема ситуация в начале XX в. по сравнению с концом XIX в. менялась в пользу русского языка [4].

Что же касается украинского национализма, то он до поры до времени проявляла себя слабо. Хотя на рубеже XIX–XX вв. возникают некие националистические организации, как *Революционная украинская партия*, а затем *Украинская народная партия (УНП)*, массовыми они все же не стали.

Население сельской местности, не говоря уже о городах, не идентифицировало себя с украинством. Результаты этнографического обследования показывали, что оно называло себя по разному – «мужиками», «казаками», «малороссами», «хохлами» [5, с. 259–261].

Положение начинает меняться в преддверии Первой мировой войны, в связи с ее началом, а затем в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Усилилась подрывная активность Австро-Венгрии и Германии, ставивших задачу использовать украинский национализм против Российской империи и мечтавших о территориальных приращениях. В 1914 г., в частности, образуются новые организации – «Товарищество украинских поступовцев» и «Союз визволення України», объединяющий «самостийницькие» элементы на российской Украине независимо от партийных взглядов. На территории Австро-Венгрии возникает своя националистическая структура с претенциозной повесткой – «война европейских стран с Россией как война между культурой и варварством; роль Украины как жертвы российского империализма и передового рубежа Европы в борьбе с Россией; необходимость отделения украинских провинций от России как залог сокрушения Российской империи» [6].

Февральская революция стимулировала националистическое брожение на Украине. Ведущие партии левонационалистической ориентации (прогрессисты, социал-демократы, эсеры) без какой-либо процедуры выборов, чисто явочным порядком 4 (17) марта 1917 г. поспешили создать общеукраинский орган – Центральную раду, выборы в которую отличались самыми явными манипуляциями. В Раде преобладали сторонники украинской автономии (В. Винниченко, Д. Дорошенко), а не отделения от России (Н. Михновский) [7]. При этом автономисты исходили из фактически конфедеративной идеи, что автономия должна была иметь собственную армию и самостоятельно участвовать в послевоенной мирной конференции. Однако по мере ослабления Временного правительства ужесточилась националистическая линия украинских политиков.

Первый Универсал Центральной рады, озвученный В. Винниченко 10 (22) июня 1917 г. на II Всеукраинском Военном Съезде, провозгласил автономию Украины в составе России и объявил представительным органом Всеукраинское Украинское Собрание (Сейм), которое, как это давалось понять, имело приоритет перед решениями Всероссийского Учредительного Собрания. Было предусмотрено создание Правительства – Генерального секретариата, вводились дополнительные сборы на содержание Рады и ее аппарата, но пока не выдвигалось требование о прекращении взносов в общероссийский бюджет.

Второй Универсал, изданный после переговоров с эмиссарами Временного правительства в Киеве 3 июля, делал определенные уступки центральной власти. Рада взяла обязательство не вводить автономию без решения Всероссийского Учредительного Собрания. Разрешалось создание национальных

украинских частей, но в составе единой российской армии, под контролем Петрограда.

Временное правительство, которое изначально в апреле-мае 1917 г. занимало пассивно-выжидательную позицию в отношении украинских «революционеров», ободренное усилением своих позиций в Петрограде в июле 1917 г. и раздраженное тихой властной экспансией «самостийцев», 4 августа издало «Временную инструкцию Генерального Секретариата Временного управления Украины». *В ней совершенно правомерно территория автономии ограничивалась 5 губерниями, имевшими бесспорно малороссийский состав – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской губерниями.* Число генеральных секретарей сокращалось с 14 до 7, и из ведения Киева изымались вопросы, связанные с военным делом, путями сообщений, почтой, телеграфом. Не менее 4 секретарей должны были быть неукраинцами. Все назначения в местных органах власти обязаны были согласовываться с центром. Раду следовало пополнить неукраинцами, т.е. представителями других этносов [8].

Третий универсал появился уже после Октябрьской революции 7 (20) ноября 1917 г., когда обозначился новый виток в кризисе центральной власти. В глазах многих успех большевиков оценивался как временное явление, и осмелевшая Центральная рада провозгласила Украинскую Народную Республику (УНР) в составе федерации свободных народов.

Формально легитимировалась идея, заявленная в сентябре 1917 г. на так называемом Съезде народов России по инициативе маститого историканационалиста, председателя Рады и русофоба М. С. Грушевского. Тогда в Киев прибыла относительно скромная по численности (93), но пестрая по своему составу масса делегатов, в их числе белорусы, грузины, эстонцы, евреи, латыши, литовцы, поляки, румыны, татары, русские (от партии эсеров), казаки. В акции также поучаствовали Союз городских народов Северного Кавказа и Дагестана, ташкентские мусульманские организации, томская конференция сибирских общественных организаций, якутский союз федералистов-трудовиков. Однако «с точки зрения получения реального, значимого результата съезд дал немного – в условиях сентября 1917 г. был скорее данью национальной романтике» [9, с. 143, 146].

Действительно, население Российской империи, особенно наиболее обжитых, развитых ее районов, более беспокоила социальная, классовая, антивоенная, а не национальная повестка. Национальные отношения удавалось искусственно актуализировать там, где этнические элиты имели давний опыт националистической пропаганды или националистических иллюзий, особенно если их стимулировали извне.

На Украине националисты, не принадлежавшие к числу крупных собственников, вполне усвоили революционную фразеологию и революционную проблематику. В III Универсале, например, провозглашались свобода слова, печати, вероисповедания, забастовок, неприкосновенности жилища, упразднялась смертная казнь и право частной собственности на землю, устанавливался

8-часовой рабочий день. Однако это не помогло «самостийникам» избавиться от политической конкуренции большевиков. На выборах 9 января 1918 г. в Учредительное Собрание Украины, которые, отнюдь, не вызвали энтузиазма со стороны населения (а на юге они практически не состоялись), среди избранных 172 депутатов (вместо необходимого 301) 34 мандата все же достались большевикам. Позорным крахом закончилась кампания в Киеве, где избиратели оставили на своих бюллетенях весьма характерные комментарии: «Слава нашим великим деятелям Грушевскому и Винниченко», «Боже... избавь Россию от украинских узурпаторов», «За веру, царя и Отечество. Ура! Долой хохлов!», «...ради Бога, дайте спокойно пожить», «Земли и воли не хочу, а дайте одну пару калош» [10, с. 65, 67]. В итоге в Киеве наибольшее число голосов собрал «Внепартийный блок русских избирателей» (29,53 % голосов), украинские эсеры получили 22,07, а большевики – 9,57 %. Большевики повели за собой Черниговскую губернию (51 % голосов) и добились в целом 20 % на Украине, украинские эсеры – около 70 %. «После январских выборов очевидными становилась не только большевизация северных и восточных украинских губерний, но и рост радикальных и националистических настроений в центре и на западе. Оформился территориальный и идейный раскол, явственно напоминающий линии современных политических изломов на Украине» [9].

В дальнейшем Центральная рада показала свою несостоятельность как политическая сила. Сам В. Винниченко признавал это, указывая, что народ «ненавидел Раду и ее членов и потешался над ними. Высмеивалось все украинское: песни, школы, газеты, книги». Он утверждал: «У нас не было сильного пролетариата, осознающего свою национальность, потому что, в большинстве своем, в основных крупных городах он был денационализирован и русифицирован». В то же время ситуацию усугубляло то, что националисты «нашли свою главную опору у крестьян, но не среди бедных, а зажиточных». Украинские политики, по его словам, «воспользовались темнотой угнетенных масс. Не они выбрали нас, а мы навязали им себя». Хуже всего, что у Рады не было сильной армии. «Наши украинские солдаты не признавали желто-голубое знамя и новые красные фуражки. Когда они увидели, что Рада стоит на стороне имущих классов, то они, естественно, обратились к тем, кто предлагал им более ощутимые блага – к большевикам. Не русские, а украинские полки захватили Киев для большевиков» [11, с. 327].

После октября 1917 г. Рада недолго удерживала власть в Киеве. Созванный в Харькове 11–12 декабря 1917 г. I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и сформированное правительство во главе с Е. Бошем запустил в ответ на недружественные действия националистов этап военного противостояния. Красноречивым промежуточным итогом его стало *заявление большевиками 27 января 1918 Киева*.

Правда, надолго развить успех красным не удалось из-за подписания Брестского мира с Германией и ее союзниками националистическим правительством: по его условиям Рада была готова поставить немцам 1 млн тонн

зерна, и 500-тысячная немецкая армия была вынуждена оказать поддержку непопулярной в народе команде украинских националистов. Очень быстро убедившись в ее неадекватности, в нежелании выполнять взятые на себя продовольственно-мобилизационные обязательства, немцы в конце апреля 1918 г. заменили этот лукавый орган, не желавший обострять отношения с крестьянством, на авторитарный режим гетмана, бывшего царского генерала и *тайного сторонника монархической «единой и неделимой России»* П. П. Скоропадского. Собственно большая часть 1918 г. для Украины (вплоть до ноября-декабря) прошла под знаком немецкой и частично австро-венгерской оккупации.

Германско-немецкой власти фактически в конце 1918 г. пришел конец: развал союзной коалиции и Ноябрьская революция заставили оккупантов думать об отступлении. По условиям договоренности со сторонами Антанты они не должны были воротиться с выводом войск, а дожидаться их замены континентами победивших в Первой мировой войне держав.

Между тем украинские *большевики еще весной 1918 г. взяли курс «на расширительное толкование вопроса о территории Украины»*, включая в нее не только собственно украинские земли, но и Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики. В свою очередь это вызвало недовольство местных неукраинских революционеров и всех здоровых сил общества.

Так, глава Совета съездов горнопромышленников Юга России Николай фон Дитмар негативно докладывал еще в 1917 г. о претензиях украинских сепаратистов: «Вся эта горная и горнозаводская промышленность составляет вовсе не местное краевое, а общее государственное состояние и ввиду колоссального значения этой промышленности для самого бытия России, конечно, не может быть и речи о том, чтобы вся эта промышленность и эта область могла находиться в обладании кого-либо другого, кроме всего народа... Весь этот район как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом представляется совершенно отличным от Киевского» [12, с. 449].

Донецко-Криворожская Республика была провозглашена в конце января 1918 г. Но еще задолго до этого местные политики различной политической ориентации продемонстрировали свое неприятие националистического Киева. «Меньшевик Рубинштейн, эсер Голубовский, бундовец Бэр, большевик Артем решительно высказались против посягательств Рады на территорию Донкривбасса». Большевистское руководство не поддержало идею о вхождении региона непосредственно в Россию, видимо, исходя из того, что это не остановит Германию от его захвата. В то же время объединение всех южных регионов в Украину, по его мнению, усилит революционный натиск. Не будем забывать, что с подобной аргументацией и лживыми обещаниями не будоражить национальный вопрос обращались украинские большевики – националисты типа **Н. Скрипника**. Именно этот известный своим украинофильством деятель публично декларировал от имени Советской Украины, что «рассматривает Украинскую Советскую Республику не как национальную

республику, а исключительно как Советскую республику на территории Украины, связанную с общероссийской рабоче-крестьянской республикой федеративными узами... Именно на этих условиях Донецко-Криворожская республика согласилась присоединиться к союзу, который так и назывался – Союз обороны Южно-Российских республик!» [13, с. 84–94].

Разумеется, *киевские большевики обманули своих донецко-криворожских собратьев*. При этом в самой украинской большевистской партии, рассматривавшейся как составная часть РКП(б) с правами областной организации, летом 1918 г. происходила борьба точек зрения по вопросу партийного статуса и противодействия германской оккупации. Так называемые «левые» (Г. Пятаков, Н. Скрипник, А. Бубнов, В. Затонский, С. Косиор) придерживались авантюристической тактики на партийное обособление и сотрудничество с Россией опосредованно, через III Интернационал, а также безусловную подготовку восстания. Более здравомыслящие «правые» (Э. Квириг, В. Аверин, Я. Яковлев, С. Гопнер) опасались вольных или невольных столкновений с Российской коммунистической партией (большевиков) (РКП(б)) и не форсировали вооруженную борьбу, в чем оказались правы [1, с. 299–300]. С уходом германских войск ситуация на Украине не стабилизировалась.

Хотя современные украинские историки, исходя из националистической конъюнктуры и апологетики «украинского единства», и не признают Гражданской войны, она тем не менее была и носила к тому же усложненный, многосторонний характер. Кроме того, она еще была и затяжной потому, что немцы были вынуждены оставить массу оружия и жители украинских земель хорошо вооружились. Украинская националистическая Рада за время конфликта постоянно демонстрировала свою слабость, отсутствие должной поддержки со стороны масс. Более того, над организованной в ноябре 1918 г. *Директорией* под формальным председательством В. Винниченко постоянно висел дамоклов меч бонапартистских замашек **С. Петлюры**, который опирался на самостийные военные формирования. Три других члена временной диктатуры проявляли постоянные колебания, присоединяясь то к одной, то к другой стороне. В. Винниченко, лелеявший план построения республики Трудового народа как альтернативы Республике советов, был склонен идти на компромисс с Москвой. Петлюра же искал поддержки у Антанты, высадившей свои войска в Крыму и городах Северного Причерноморья. В свою очередь Антанта затягивала переговоры. «Антанте нужна была не Украина с ее проблемами, а вся Россия в прежних масштабах и с очень близкими к старым (дофевральским) порядкам. Французы то предлагали подчинение армии Петлюры Добровольческой армии А. Деникина, который ни при каких обстоятельствах не хотел садиться за стол переговоров с “высочкой”, “бандистом”, то выдвигали такие требования к Украине (по существу, протекторат над ней), на которые, казалось бы, ни за что не может пойти ни один патриот» [1, с. 302].

Между тем Директория смогла рассчитывать хоть на какую-то общественную поддержку украинцев лишь самое первое время после падения

власти немцев. Захватив Киев 19 декабря 1918 г., она благополучно сдала его большевикам 23 января 1919 г. и бежала в Винницу, затем в Ровно, потом в Каменец-Подольск, где у бывшей российской границы «сосредоточились остатки галицких войск Западно-Украинской республики после ее изгнания из Львова. Командование большевиков не особенно интересовалось ими, поскольку в это время оно пыталось овладеть портами на черноморском побережье» [11, с. 357].

Но положение большевиков оставалось сложным. Период с марта 1919 по март 1920 г. вообще «отличался наибольшим размахом вооруженной борьбы и коренными изменениями в расстановке сил внутри России и за ее пределами, которые предопределили сначала успехи белых армий, а затем их поражение». При этом большевики оказались во временном тактическом проигрыше ввиду естественного иссякания материальных ресурсов в воюющей стране и необходимости проведения срочных чрезвычайных мер. «Продразверстка и запрет свободной торговли стали главной причиной роста ненависти крестьян к “коммунистам”, которых крестьяне в своем сознании стали противопоставлять “большевикам”, давшим землю в 1917 г.» [11].

Разочарование населения националистами, которые не могли ничем «похвастаться» кроме как еврейскими погромами (было убито около 17 тыс. человек), и большевиками, бесплатно отнимавшими хлеб у крестьян «ради пролетарской революции», происходило в условиях роста «атаманщины». Банды вооруженных крестьян в десятки, сотни и тысяч человек «безжалостно расправлялись с представителями всех властей», но больше всего от них пострадали классово чуждые им белые части. «Атаман Зеленый опустошал Киевщину и Полтавщину, батька Ангел – Полтавщину и Черниговщину, Григорьев зверствовал в нижнем течении Днепра, в районе Черкасс – Тютюнник, в Южном Полесье – Струк и Соколовский, а знаменитый Махно наводил ужас на всю Новороссию. Некоторые из батек заявляли, что воюют из идеологических соображений: одни были сторонниками “коммунизма без евреев” или, как батька Махно, анархизма» [11, с. 365].

Однако атаманы, представляя из себя «третью силу», в условиях сложного 1919 г. реально помогли большевикам, особенно М. Махно [5, с. 404], а иногда эта помощь была весьма сознательной. Во время наступления белогвардейских войск А. Деникина на Москву и опасного их растягивания на огромном театре военных действий они нанесли удар по их тылам. В то же время в очередной раз показала свою несостоятельность Директория и лично С. Петлюра. Он «взял Киев на один день, 30 августа, но на следующий день его оттуда выгнали белогвардейцы, переговоры с ними никто вести не пожелал, и к октябрю 1919 г. петлюровская армия окончательно прекратила существование, а вместе с ней, по сути, и Украинская Народная Республика» [12, с. 505].

Советская власть утвердилась на Украине, но при этом большевистское руководство, панически боявшееся потерять ее, пошло на демонстративные

уступки националистическим настроениям. Уже на заседании Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин проводил мысль об обязательном изучении украинского языка должностными служащими, а сам украинский язык, как говорилось в Резолюции ЦК РКП(б) «О Советской власти на Украине» от 2 декабря 1919 г., надлежало превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс» [14, с. 334–335]. В 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо», а СНК Украины в сентябре 1920 г. требует обратить внимание на изучение украинского языка во всех... учреждениях и подготовку работников просвещения». Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты» [15, с. 202–203].

Опасаясь подрывного влияния белопанской Польши, которая еще в апреле 1920 г. совершила акт агрессии в отношении Советской Украины, руководство большевиков в Москве совершило крупную ошибку, разрешив мягкую интеграцию в свои ряды националистов из левого лагеря – так называемых *национал-коммунистов*. Последние в лице *партии боротьбистов* проповедовали хозяйственную и культурную самобытность Украины, которая долгое время якобы подвергалась русификации помещичье-буржуазным государством, что превратило города в «культурно-изолированные острова» с паразитирующей (т.е. русской) культурой. «По причине аграрного характера украинского народнохозяйственного организма, утверждали боротьбисты, и Революция на Украине имела сильный аграрный оттенок, чего, по их словам, не понимали пришедшие из России большевики... Все это, как считали боротьбисты, приводило к отрыву немногочисленного русифицированного городского рабочего класса от “пролетарских масс крестьянства” и потому неминуемо определяло характер Советской власти как оккупационной» [16, с. 80].

На близких позициях стояла другая лево-националистическая партия – Украинская коммунистическая (УКП), образовавшаяся в январе 1920 г. и провозгласившая, что Украина должна идти к коммунизму как самостоятельное государство. Однако, если боротьбистов в момент самороспуска было 15 тыс. членов, то в ликвидированной в 1925 г. новой партии – только несколько сотен. Приверженцы обеих националистических структур могли на индивидуальной основе вступать в правящую Коммунистическую партию (большевиков) Украины. И хотя таковых оказалось немного, они были достаточно влиятельны (например, бывший боротьбист М. Гринько возглавил республиканский Наркомпрос, а с 1926 г. стал заместителем председателя Госплана СССР, с 1930 г. – наркомом финансов. «Но главный эффект от деятельности УКП(б) и УКП был в другом. Уже самим фактом своего существования они вынуждали большевиков корректировать свой курс в национальном вопросе и идти навстречу адептам украинства» [13, с. 90].

В момент окончания Гражданской войны контур будущего федеративного союза еще слабо просматривался. Было ясно только одно, что формальный

военный союз, инициированный ВЦИК 1 июня 1919 г., должен трансформироваться в какие-то иные формы. 30 сентября 1920 г. был заключен договор между РСФСР и Азербайджанской ССР, в основу которого был положен принцип тесного военного и финансово-экономического союза. Договоры РСФСР с Украинской ССР, подписанный 28 декабря 1920 г., был вторым по счету, и его формулировки были более тщательными, чем формулировки в азербайджанском договоре. Решался вопрос об объединенных комиссариатах (они регулировали военные и военно-морские дела, народное хозяйство, внешнюю торговлю, финансы, трудовые отношения, транспорт, почту и телеграф) и их представительстве в высших органах обеих республик. Эти объединенные комиссариаты «входят в состав Совнаркома Р.С.Ф.С.Р и имеют в Совете Народных Комиссаров У.С.С.Р своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых украинскими Ц.И.К. и Съездом Советов. Наряду с этим Украинская ССР имела своих представителей во ВЦИКе и Всероссийском съезде Советов, которые являлись высшими органами для объединенных комиссариатов» [17, с. 306].

В дальнейшем именно позиция Украины, некоторые деятели которой проповедовали абсурдную идею властного (т.е. неформального) равенства своей республики с РСФСР [18, с. 179–180], предопределила трудности с реализацией сталинского плана автономизации. Правда, в новом федеративном, созданном по лекалам В. И. Ленина федеративном союзе Украина никаких особых преференций не получила, но продолжила лоббировать украинизацию внутри и за пределами своих границ, что осложняло процесс федеративного строительства.

Таким образом, сумма объективных и субъективных обстоятельств, связанных с геополитическим, этно-историческим, народохозяйственным, социально-культурным, военно-политическим, правовым положением Украины, обусловила во многом темпы и характер строительства новой советской государственности вместо бывшей Российской империи (евразийская советская империя).

Нельзя не согласиться с мыслью, что причинами территориальной и социальной фрагментарности украинских земель были их особенности: географическая доступность и геополитическая конфликтогенность, практическое отсутствие прецедентов государственности, слабость государственнической идеологии и фракционность элиты. По сути это была «склеенная территория» политического центра при этнической и культурно-религиозной дивергентности населения [19, с. 6–12].

Большевистское руководство после утраты Польши, Финляндии и Прибалтики не могло себе позволить лишиться украинских земель ввиду их стратегической важности (прежде всего пограничного положения) и народнохозяйственного значения (в канун Первой мировой войны Донбасс выплавлял три четверти всего чугуна и добывал 86 % всего угля в империи). В то же время оно понимало их сложную этно-социальную специфику, в которой украинский (малороссийский) элемент был отнюдь не безусловно доминирующим.

В культурном и лингвистическом отношении этот элемент делал только первые шаги и не являлся еще определяющим даже в сельской местности, не говоря уже о русифицированных городах. В формально-правовом смысле новая власть в Москве, взяв на вооружение концепцию национального самоопределения, была готова признать украинскую государственность, но только как ассоциированную с Россией и делом мировой пролетарской революции. В то же время военно-политические реалии, а именно чрезвычайная военно-политическая активность маргинальных националистических сил и насыщенность территории оружием, требовали известной осторожности от Москвы. Результатом этого и стал курс не на автономизацию в рамках РСФСР, а на создание социалистической федерации с ограниченным числом членов (включая и саму Украину).

Список литературы

1. Толочко П. П., Олейников А. А., Симоненко Р. Г. [и др.]. История Украины VI–XXI вв. / под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев ; М. : Киевская Русь, 2018. 472 с.
2. Этнический состав украинских губерний (по данным переписи населения Российской империи 1897 г.) // Ликбез. Исторический фронт. URL: <https://likbez.org.ua/census-of-the-russian-empire-in-1897-ukrainian-province.html>
3. Марчуков А. В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М., 2018. 510 с.
4. Ленин был готов дать независимость Украине. Как российская революция в 1917 году породила украинскую // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/15/ukraine/>
5. Медведев А. Подлинная история русского и украинского народа. М., 2015. 506 с.
6. Мозговой С. Г. Внутренняя и внешние стороны украинского национализма в 1853–1914 гг. // Universum: Общественные науки. 2016. № 1-4 (22). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/3092>
7. Украинская Центральная рада // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_Центральная_рада
8. Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль – октябрь 1917 г.) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 117–129.
9. Крутиков А. «Дайте спокойно пожить» Украинское Учредительное Собрание 1917–1918 гг. // Перспективы. 2020. № 3. С. 65–67.
10. Кутилова Л. А. Этническая мобилизация в 1917 г.: Съезд народов России и его идеи трансформации государственного устройства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 143–147.
11. Аллен У. История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина. М., 2016. 413 с.
12. История Новороссии / отв. ред. В. Н. Захаров. М., 2017. 864 с.
13. Скворцова Л. А. Донбасс – «разменная монета» в политической борьбе: 1917–1919 гг. // Культура и цивилизация. 2017. № 3. С. 84–94.

14. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. М. : Госполитиздат, 1963. 624 с.
15. Борисенок Е. Ю. Путь к Украинизации: национальная политика большевиков в первые годы Советской власти (1917–1923) // Славянский альманах. М., 2001. С. 197–210.
16. Марчуков А. Украинское национальное движение и КП(б)У // Вопросы национализма. 2014. № 2. С. 75–92.
17. Карр Э. История Советской России : в 14 кн. Кн. 1. Большеви́стская революция. 1917–1923 : в 2 т. М., 1990. Т. 1, 2. 766 с.
18. Рыбас С. Ю. Сталин / под ред И. В. Черникова. М. : Молодая гвардия, 2020. 912 с.
19. Гринин Л. Е. Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее // Историческая психология и социальная история. 2014. № 1. С. 6–12.

References

1. Tolochko P.P., Oleynikov A.A., Simonenko R.G. et al. *Istoriya Ukrainy VI–XXI vv. = History of Ukraine from the 6th century to the 21st century*. 2nd ed., rev. and suppl. Kiev; Moscow: Kievskaya Rus', 2018:472. (In Russ.)
2. Ethnic composition of Ukrainian provinces (according to the census of the Russian Empire in 1897). *Likbez. Istoricheskiy front = Educational program. Historical front*. (In Russ.). Available at: <https://likbez.org.ua/census-of-the-russian-empire-in-1897-ukrainian-province.html>
3. Marchukov A.V. *Novorossiya. Formirovanie natsional'nykh identichnostey (XVIII–XX vv.) = Novorossiya. Formation of national identities (18th – 20th centuries)*. Moscow, 2018:510. (In Russ.)
4. Lenin was ready to give independence to Ukraine. How the Russian Revolution in 1917 gave birth to the Ukrainian Revolution. *Lenta.ru*. (In Russ.). Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/04/15/ukraine/>
5. Medvedev A. *Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo Naroda = The true history of the Russian and Ukrainian People*. Moscow, 2015:506. (In Russ.)
6. Mozgovoy S.G. Internal and external aspects of Ukrainian nationalism in 1853–1914. *Universum: Obshchestvennye nauki = Universum: social sciences*. 2016;(1-4). (In Russ.). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/3092>
7. Ukrainian Central Rada. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ukrainskaya_Tsentral'naya_rada
8. Sokolova M.V. Great Power versus Nationalism: the provisional government and the Ukrainian Central Rada (February – October 1917). *Issledovaniya po istorii Ukrainy i Belorussii. Vyp. 1 = Research on the history of Ukraine and Belarus. Issue 1*. Moscow, 1995:117–129. (In Russ.)
9. Krutikov A. “Let us live in peace” Ukrainian Constituent Assembly of 1917–1918. *Perspektivy = Prospects*. 2020;(3):65–67. (In Russ.)
10. Kutilova L.A. Ethnic mobilization in 1917: the Congress of the Peoples of Russia and its ideas for transforming the state structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2018;(437):143–147. (In Russ.)
11. Allen U. *Istoriya Ukrainy. Yuzhnorusskie zemli ot pervykh kievskikh knyazey do Iosifa Stalina = History of Ukraine. South Russian lands from the first Kyiv princes to Joseph Stalin*. Moscow, 2016:413. (In Russ.)

12. Zakharov V.N. (resp. ed.). *Istoriya Novorossii = History of Novorossiia*. Moscow, 2017:864. (In Russ.)
13. Skvortsova L.A. Donbass is a “bargaining chip” in the political struggle: 1917–1919. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and civilization*. 2017;(3):84–94. (In Russ.)
14. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 39. Iyun' – dekabr' 1919 = Collected essays: in 55 volumes. Volume 39. June – December 1919*. Moscow: Gospolitizdat, 1963:624. (In Russ.)
15. Borisenok E.Yu. The path to Ukrainization: the national policy of the Bolsheviks in the first years of Soviet power (1917–1923). *Slavyanskiy al'manakh = Slavic almanac*. Moscow, 2001:197–210. (In Russ.)
16. Marchukov A. Ukrainian national movement and CP(b)U. *Voprosy natsionalizma = Issues of nationalism*. 2014;(2):75–92. (In Russ.)
17. Karr E. *Istoriya Sovetskoy Rossii: v 14 kn. Kn. 1. Bol'shevistskaya revolyutsiya. 1917–1923: v 2 t. = History of Soviet Russia: in 14 books. Book 1. Bolshevik revolution. 1917–1923: in 2 volumes*. Moscow, 1990;1, 2:766. (In Russ.)
18. Rybas S.Yu. *Stalin*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2020:912. (In Russ.)
19. Grinin L.E. The Ukrainian state as an unfinished political project: a fragmented past, a crisis present, an unclear future. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya = Historical psychology and social history*. 2014;(1):6–12. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Беркетова

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: o.berketowa@yandex.ru

Ol'ga A. Berketova

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.10.2023

Принята к публикации / Accepted 11.11.2023